

В годы вайны, ну што, я ребёнкам была́, большэ ничево. Жыли в деревне, занимались трудом.

(А в какой деревне вы жили?)

В деревне Мала́хи.

(А скажите мне, пожалуйста, я знаю, что вы многое пережили. Вы были в лагере немецком?)

Эта очень страшна, и так вот слава... славами сказать, эта не скажыш, вот, очень. Ну, как партизанская зона была, там вот и немцы были, паэтаму нада была, ачевидна, фсё уничтожыть, фсе деревня́. Тринацать деревень уничтожыли немцы, и дажэ детей жжыгали, живыми, вот.

А у нас вот пашшистливила. Кагда нас пагнали, кагда немцы пашли, мы издали увидели, мы бежали в лес, но нас паймали, вот. Деревня такая была – Двор называлась. Загнали в эту деревню и хатели нас тожэ... (там дом, там дома три) жжэчь. Заганяли в дом жжэчь. Но какая-та, наверна, шшистливая минута была у нам, што какой-та их сатрудник, можэ быть, дажэ наш, приехал на лошади и стал читать какой-та прикас. Это нада ваапшше видеть, эта э... нельзя так славами сказать. Вот кагда нас заганяли в дом, в дом, вот, ну, люди сапротивлялись, фсё. Мне палучылась так, што я сматрела вот и как-та ничиво не баялась, ну как-та и страху не была. И вот эта... жытели вот, Евдакия стала..., ну ани стали паливать этат дом какой-та жыткастью..., ну каратели несли сена и салому пад дом. Вот и вот, вот так на глазах у мяня растреляли эту жэншшину, патом мать её и девачку лет, наверна, семи-васьми такую. Эта фсё на глазах. Эта фсё так ужасна, но сказать эта нельзя, што эта какой-та страх или што какой-та не знаю...

Но кауда этат, лошаты приехала с этим, ну гоншшик или што, да эта немец или кто он там, он стал прыкас читать, штобы людей атпустили из дома. Вот. Ну нас сначала не пускали, такая... как гаварицца, нельзя сказать. Кагда после, вжэ после

проста спрасили, пачиму эта такой – нас ни стали жэчь, то он, млатшэ этава сатрудника, каратели сказали, што Сталин дал такой приказ: если што-нибудь, если хоть ешшэ аднаво челавека сажжоте зажива, то будет... я дам приказ на фронте пустить йидавительный гас, так вам будет урок за наших жителей, зажива сажжонных.

Вот, канечна, нас выпустили, не сажгли. Ну вот үнали многа времени, вот, пешком, правда, гнали очень. Начевали. Нас пригнали в деревню Зйлуца. Там, канешна, эта, заганяли в эти таварные вагоны, грязные такие, и так многа людей, што проста на анной ношке стаяли. Ну, как гаварица, не замечали мы очень плахова, мы только ждали фсево плахова.

Вот кагда нас пригнали, станция, наверна... я забыла, как станция эта, вот где лагерь был. Саласпилс – эта где на территории Латвии. Саласпилс, эта я запомнила. Вот кагда мы стали патхадить к этому лагерю, там были ямы. Мама гаварит: «Детки, вот эта наши домики». Как говорица, мама имела в виду, што нас здесь будут закапывать.

Но нас пригнали в лагерь, вот, дали немношка воды. Ну тут гаварили, што дети будут жыть с мамай да десяти лет. Но эта неправда. Фсех детей разделили, вот с трох лет, там с маленькава, адин такой барак. Там, ачевидна, очень испытания были, страшные. Ну, нас разделили, но я только з братьям нахадилась вдваём, а вот маленькая трёхлетняя мая сестричка была аддельна в бараке. Какой-та очень такой, я не знаю, сказать, што там издевались над людьми, вот. Ну в опшшэм, сестру маю атабрали в манастырь, там кроф брали, на крофь, крофь там брали. Так ана знакомым немношка панравилась, паэтому он взял её к себе, её минавала эта учисть. Вот ей ни аднаво челавека не видели, штоп из манастыря там выхадили жывым, никто не видел. Спецыальна дажэ была и спрашывали: есть ли такой человек, каторый бы в манастыре был, крофь у каторава брали. Не, не была их в жывых, ваапшше.

Ну што вот, каўда многим нас адделили з десяти да пяти лет, вот в барак, там, как гаварица, раздевали гола-нагала, марш, ...в другой барак. Та нам кофшык вылили на голаву вады – и ф какой-та падвал. Ну там была, такой... пола там не была, нар – ничево не была, там какие-та струшки были, волосы какие-та и грязь. И вот так мы лежали на этой грязи.

Вот мы не знали, каво как звать, мы только сматрели, как бы нам убежать ф памойку, эта там, штоп пакушать. И мы з девачкай пабежали ф памойку, мы набрали там каштей и вот и ачиски. Вот там гаварят, што там была плитка, жарили эти ачиски. Неправда, не жарили, не была там никакой. Мы эти ачиски, ни вады не была, ничево, проста руками немношка грязь эта – и кушаем, вот такие эти ачиски нам казались очень фкусными. И эти кости, вот адин гложэт, патом аддаёт другому, патаму што ужэ челюсти балят ат этава гладания этой кости. Ну вот, так вот писят грамм хлеба на день давали и адин рас баланду, такую, што там крупинка, вадичка и фсё.

Вот рядом был, старикоф этих, аддельных ужэ па возрасту... Вот и тут аднажды мы слышым крик, крик и музыка играет и крик. Пришла жэнщина и гаварит: «Дети, вы тишэ, эта так играют наши сатрунники». Но эта был пранзительный крик. Эта была агромная яма, и там людей растреливали, каторые стали ужэ... не магли работать, растреливали, там бальшая-бальшая яма была.

После я ужэ сматрела, и кругом, кругом эта адёжда, одёжда, вот. Раздевали их, и вот одёжда ф крави была. Так разве расказэш? Не расказэш. Кагда пришли, сказали, што адевайтесь, адевайтесь, пайдём адеваца. А там мы... нас прыгнули, а там адёжды не была, там какие-та тряпки. Я никак не маўла этава найти, там какое-та пальто адела рванае. Мне сказали: «Раздевайте, эта следушшей девачке». Тагда я стаю, мне нечева адеть, а ана, он мне сказал: «Вот идите». Я пасматрела – яма бальшушняя и эта – адёжда кругом ямы. Я

падашла к этой ямы, падняла адну всё ф крави, патом ешшо адну какую-та падняла адёжду – тожэ фся ф крави. А он, надзиратель, стаит и смотрит. А я пасматрю – окала куста ешшо рука тарчит, тарчит из земли рука такая синяя, окала куста, патаму што ани, ачевидна, не увидели, карапкался, наверна, челавек, ани там, ну как эта... и живые, кто убиты, кто растреляны, кто живой.

Ну вот, кагда я адела, пódняла эту шубачку, вот ф крави, патом другую пódняла – ф крави, патом пódняла палушубачэк, на голае тела я адела. Тагда надзиратель гаварит: «Ну, фсех сабрали?» «Нет, – гаварю, – Лиду не забрали». – «Нет, эту не палучишь, а ешшо трёхлетняя». Кагда сказала, што трёхлетняя, он сразу бегом, я за ним, и там вот такие дети – с трёх лет да пяти. Што там была! Большой стол, агромный, ешшо кругом столики. Эти ребята, што им зделана, пелёначки кругом закручэны, и там какие-та, видна, снизу шланги. Куда ани, наверна, ф палавые органы или куда там делали, ани ешшо ходют. А три ребёнка... высокый такой тилиграфный (?) столп, да вот такие высокие сталбы, и на этих сталбах ужэ три ребёнка привязана – и пелёначкай наверх; адин ужэ сафсем чуть-чуть живой, а другой ешшо немножка варачиит голаву. А аткрыли дверь – такой как закаулок, аткрыли дверь, а там – ужас, там стопки наложэны этих детей ужэ мёртвых, такие стопки, стопки, стопки. А ешшэ такой стол блестяшший, там ребёнак, на этом стале, ачевидна, какие-та опыты делают и делали. Дверь закрылась быстра. Я сваю сестрёнку увидела, ана была на очереди. Если бы мы не пришли, а эту баланду кушали, ана была п следующая на эти опыты. Ана худенькая, страшная, фсё, ну три годика ей.

Забрали, пригнали серые машины. А гаварили, што в этих серых машин атравляли людей, атравляли, вот. И мне казалось, што нас тожэ будут атравлять, но нет. Нас пасадили и павезли в власть к латышам. Объявляли, каму нужны были

дети, пастухи или там прислуги, берите. Вот таким, так не расскажыш, вот таким. Мы пришли в латышские семьи, там жыли.

А вот в лагере – то рассказать, как ф крематории, жгли людей. Ну ф то время мне казалось, што нам баланду какую-то варят, а там людей жгли. Стаяла очередь, и пряма вот... ну страшна.

Вот гаварят, кагда я на экскурсию ездила, там была вывеска «Стонет земля». А теперь гаварят, эта был трудовой лагерь. Это не был... эта страшный, страшный, эта не был трудовой. Это такие были издевательства, ну как сказать, не расскажэш эта фсё. Ва-первых, давно эта фсё была, во-фтарых, эта страшна, и рассказать никак нельзя, вот. Ну вот эти лагера, эта наши тожэ, над ними издевались, сабакам травили, сматрели, а памочь не могли. Чем? Нам была каманда или сидеть, или стаять, или вот я не знаю што, не знаю... я и не магу такое рассказать.

(Вас там много было человек?)

Да... Детей была очень многа. Но вот там, где мы ужэ посленнее время нахадились, ну, челавек, наверна, окала триста. И так на земле, в этих апилках лежали, там апилки, струшки, грязь. У нас не была ни нар, ни адеял, ничево не была, вот так мы и жыли друг окала друга, вот. Ну я дажэ вот кауда нас там была окала триста людей, нам рассказали, што: «Сичас вы пайдёте делать привифки».

(Какие?)

Ну какие-та, я не знаю. Нам кто-та ужэ сказал, гаварили, што наши пленные сказали, што эта смертельные таблетки, вот. Ну я ш тагда не знала, ну эта смертельные, действительна. Я сваему брату (ему была десять, мне двенацать) вот сказала: «Таблетки не нада праглатывать». И кагда мы зашли, сидели два в белых халатах, ну мы как панимали, што эта были врачи. А вот между двух сталоф нас прапускали, раздевали эти рубашки,

ани были рваные, страшные, и сразу ф такой чашке таблетки. Брала только пинцетом три таблетки, вот. Я беру, открываю рот, а те, кто праглатывал, тот, канешна, умирал. Ну, мой брат и я сразу прашли, вот, мима, ... вот и мы эти таблетки не глатали. И вот кагда вечерам ужэ, эта стала стон, люди станали, дети станали, ну мы проста, а ани, аказываеца, умирали. Кто-та звал бабушку, кто-та звал маму, кто-та стонет. И вот кауда утрам ужэ пришли, там пачти фсе, адин через аднаво были мёртвые.

А наши руские ваеннопленные падбирали, падбирали мёртвых. Кажный день было так пять, шэсть, семь, восемь детей, а здесь так многа мёртвых была! Сначала такие длинные карзины были, сначала двое, а патом ужэ не магли и пришли ешшо двое, штобы фсех вынести мёртвых. Ну так эта была челавек окала триста. Ну нас асталось там, ну можэт быть, челавек, э..., ну пидисят-шыдисят, вот так.

(А вы долго там пробыли?)

Ой нет, фсэ сказать – и долга была, а я не знаю, сколько эта была, а патаму што... ну вот дапустим, ф пасленний, парядак, кагда таблетки дали, ну мы были где-та месяц, а можэт быть, паменьшэ месяца, вот. Так и кажный раз умирали десять-пятнаццать, да этава эксперимента. Я не знаю дажэ, такие ужасы можна сказать.

(Какие работы вас заставляли выполнять в основном?)

Нет, нас ничэво не заставляли, мы проста на этих струшках так и сидели. Мы только ждали, кауда нам баланды дадут, вот. Нам хателось очень есть, нам хателось. Ну писят грамаф хлеба на день – эта ш сафсем ништо. И вот эту паварёшку баланды и фсэ.

Вот мне так фспаминаеца такой мальчик. Ужэ не можэт гаварить, кагда челавек ужэ вот-вот умирает, он ужэ нет голаса. Он гаварит (давали нам адну третью часть вадички, нам не давали дажэ вады, вадички), вот он гаварит: «Скажы, штобы мне вадички дали». Я гаварю: «Ну дай немношка хлеба укусить»

чуть-чуть тваево». Он держыт хлеп, он мне дал кусить, и я дажэ сичас думаю, а наутра пасматрела – он ужэ лежыт мёртвый, думаю: можэт, если бы я не укусила этат хлеп, можэт быть бы, он и жыф был, не знаю. Но вадички ему дали немношка.

В опшшем, как гаварица, мы панимали толька то, што мы живём, а зафтра памираем – тут уносят, как брёвна, такие макароны, наложат и выносят мертвецоф. Эта каждый день, эта называлась утренняя чистка. Вот гаварят, моют там лицо, нет, мы не мыли, не была вады; нас ни лицо не мыли, мы такие грязные парасяты были. Вот тока мы ждали, кагда эта утренняя чистка прайдёт, вынесут пакойникаф, а патом мы ждём, кагда нам кусочек хлеба дадут да немношка вадички дадут – и большэ ничево. И до абеда эту баланду адну паварёшэчку, а вечерам ничево, если вадички дадут немношка, грам двацать-трицать, и фсё, фся еда.

(Расскажите, пожалуйста, как вас освободили)

А асвободили ужэ нас у этава хазяина, у латышэй, ф каторых мы васпитывались. Латышы были как бы разные – и хорошие, и плахие. Но ани нас... не давали разгаваривать паруски, толька штоп на их языке, вот. Атчево-та ани думали, што эта их идеи. Ну там што... Адевали калотки такие дервянныне. У меня шчас такие ноги уродливые. Тока калотки, ноги такие фсегда абитые, патаму што нелофка фсё ф калотках хадить, но хадили.

Выпалняли фсякие работы, но для нас эта ништо эта работа, главнае то, што есть давали, вот. Первые три, наверна, четыре-пять дней нам не давали есть, гаварили, што если вы паедите так сразу, то умроте, вот так. В аснавном нас патом не аграничали в еде, вот, хазяевá хорошие были.

Ну работы фсякие выпалняли, вот: и там и кароф пасти, и курей аскубать, и пасуду мыть, и даить карову, и чистить там свиньям фсё. Но эта нам была нипачём, лиш бы то, што нам еда была и спать, можэт, нам можна была три и два часа, вот. Нас

никто не сматрел: спал он, не спал, дадут ночью три курицы аскубать, и ты должэн аскубать их. Ты их только аскубал их – бух, и нада ужэ фставать, вот так. Но я и за эта благодарна латышам, патаму што эта протиф таво концлагеря, эта был рай, рай па сравнению с концлагерем. Эта нам была харашо.